

18+

Дергачев В.С.

ДЕЛО ПРИНЦИПА

Вячеслав Дергачев

Дело принципа

«Издательские решения»

Дергачев В.

Дело принципа / В. Дергачев — «Издательские решения»,

В обычном дворе обостряется конфликт: Пётр Иванович хочет спилить ветку берёзы, царапающую его окно, но Ксения Андреевна, его соседка, защищает дерево — для неё это источник тени и уюта. Их спор разрастается, вовлекая других жильцов, вскрывая старые обиды и меняя отношения в доме. Дело доходит до предела накануне детского концерта. Эта тонкая, ироничная и трогательная история о том, как мелочи способны потрясти привычный порядок, заставить задуматься о соседстве, принципах и цене согласия.

© Дергачев В.

© Издательские решения

Содержание

Дело принципа	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дело принципа

Вячеслав Дергачев

© Вячеслав Дергачев, 2026

ISBN 978-5-0070-0338-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дело принципа

Глава 1

Бывают такие дни, словно встал не с той ноги. Сидишь сонный на кровати и стараешься понять: что же произошло? Вроде бы опускал правую ступню, а на деле вместо нее левая. А на месте левой — уродливый гомункул, который пялится на тебя косыми глазами, а из недоразвитого рта доносится хриплое:

— Папа!

И ты думаешь:

«Вот ведь что какое! Я сейчас тебе рожу-то начищу!»

И уже собираешься сжать кулак, чтобы, как следует размахнувшись, залепить им прямо промеж косых глаз, как вдруг понимаешь, что вместо правой руки у тебя огромное склизкое щупальце осьминога.

«Час от часу не легче! А что тогда на месте левой руки?!»

А там клешня краба-переростка, что пощелкивает прямо над твоим ухом, словно каштанетами. И главное, что эти двое по какой-то причине совершенно не в ладах друг с другом, и прямо перед твоим лицом начинается активная фаза боевых действий, которую ты никак не можешь контролировать, отчего то и дело получаешь по носу то с одной, то с другой стороны. По правде сказать, ты вообще ничего не можешь контролировать. И более того, видишь всю картину свысока, словно ты сам Господь Бог, который нарисовал очередное свое создание и, когда вся картина сложилась целиком, соорудил недовольную гримасу и подумал:

«Ну что за уродец опять получился...»

И снова вспомнил, как клялся не садиться за холст, не выпив утреннего кофе (конечно, на безлактозном молоке), а то получится как в тот раз с динозаврами: они мало того, что были ни сном ни духом о каком-то там Творце, так еще и съедали все новые создания. Вот и пришлось пунуть в них камушек — за неповиновение, так сказать.

А щупальце снова оставляет склизкую полоску на лице, и клешня едва-едва не отшелкивает приличный кусок уха, и откуда-то снизу снова слышится премемерзкое: «Папа!» А внутри все под завязку забито одним лишь раздражением! РАЗДРАЖЕНИЕМ! РАЗДРАЖЕНИЕМ! РАЗДРАЖЕНИЕМ!

Вот что ощущал в это октябрьское утро Петр Иванович Селезнев.

Сидя на кровати, он смотрел, как солнце медленно ползло по стене (слишком ярко) и по его худым ногам (уродливые), согревая их теплом (слишком жарко). А из приоткрытого окна (дует) доносились радостный смех и крики детей из детского сада (слишком громко и пискляво), который находился напротив дома (ужасный район). Где-то лаяла собака (слюнявая и блохастая) на проезжающую мимо машину (груда металлолома). Был прекраснейший (хуже не придумать) осенний денек, который все еще прикидывался бабьим летом, но уже с легкой ноткой зимней меланхолии, нарастающей с каждым днем. Может, в этом были виноваты участвовавшие дожди (слякоть и грязь) или листья (весь двор засыплют, а мне подметай), которые уже сменили свой зеленый камуфляж на песчаный, дабы угодить новому командиру, но все еще самоотверженно держали оборону, давая лишь редким дезертирам спикировать на землю. А может, это ощущение было вызвано становящимися все более длинными ночами (не поймешь, вставать уже или еще спать), из-за которых ты, словно фараон, лежал в непроглядной тьме в своем саркофаге, бережно укутанный пуховым одеялом. Было много причин, но так или иначе уже в середине октября (аномально теплого в этом году) чувствовалось скорое приближение зимы.

Если бы существовала скорая успокоительная помощь, то их термометр зафиксировал бы у Петра Ивановича «раздражар». Улыбчивый доктор взглянул бы на показания и сказал:

— Ну что же вы, голубчик, так себя изводите? Вам срочно нужно выпустить пар, иначе вы скоро закипите, словно чайник, и нам экстренно придется госпитализировать вас в отделение щенков и котят!

На что Петр Иванович, конечно же, послал бы фельдшера куда подальше, вместе с щенками и котятами в придачу, тем самым немного снизив показания термометра.

— Помилуйте, голубчик, разве общаются такими фразами цивилизованные люди? Это же пошло и гадко.

А Петр Иванович продолжил бы сыпать новыми порциями брани, предлагая фельдшеру засунуть «голубчика» себе в толстую кишку (разумеется, как можно глубже): вот это было бы действительно пошло и гадко. И вообще, неужели он считает, что раз перед ним отставной офицер, то он не сможет как следует навалить доктору?

— Ну что же вы, милый мой, в наше время дерутся только по телевизору, в боевиках.

На что Петр Иванович бы заметил, что из-за этого страну и развалили:

— Все потому, что ни одна сволочь не хотела драться! Всем бы только глаза в телевизор тарачить!

Такая милая беседа с кучей аргументов в пользу заезженной истории о том, что «раньше было лучше», как ничто другое, способствовала бы уменьшению уровня раздражения до 36,6 единиц, соответствующих норме. После Петр Иванович проводил бы фельдшера до двери и скупой, в двух-трех словах, поблагодарил за оказанную помощь. А тот бы в свою очередь с улыбкой беспечного простака, застрявшего на низкооплачиваемой работе, с ворохом проблем и кредитов, но с нескончаемым запасом оптимизма, который с горстью отсыпал ему Господь, сказал бы:

— Не стоит благодарности. Это наша работа.

Однако Петр Иванович был один. И нужно было срочно выпустить пар, иначе в конечном итоге он сорвался бы в самый неподходящий момент. Он решил, что лучшей целью для выпуска гнева будет собачник, чей пес, без всякого сомнения, был без намордника и без поводка, да еще изгадил своим дерьмом весь двор. Но, как назло, за окном было пусто. Ни собаки, ни машины, никого. Можно было, конечно, кричать через всю улицу на детей на детсадовской площадке, но не настолько же он выжил из ума, да и голос так недолго сорвать. Сидя на кровати, Петр Иванович старался прислушаться к посторонним шумам от соседей, дабы вступить с кем-нибудь из них в открытую конфронтацию и во время словесной перепалки провести десятиминутную лекцию: «Допустимый уровень шума в панельных домах. От чего зависит?» Но и тут он потерпел неудачу. Стояла раздражающе гробовая тишина. Даже в квартире снизу, куда совсем недавно въехал новый жилец (встретиться еще не довелось), а по ощущениям — будто целый оркестр, постоянно аккумулирующий целую россыпь звуков, было тихо.

— Как назло, ей-богу!

Пришлось тащиться в другие две комнаты, чтобы там найти к чему придраться.

Его грозные шаги еще на подходе к гостиной были встречены дневальным — пестрым турецким ковром, что занимал центральное место в комнате и задавал ей стиль. Заметив приближающегося командира, аскер скомандовал: «Смирно!» — и все вещи в комнате вытянулись по струнке.

Первым внимание командира сосредоточилось на диване, который был укрыт синим пледом, натянутым до такого состояния, что, казалось, на нем можно было скакать, как на батуте.

— Идеально, черт бы его побрал!

Напротив дивана в гостиной стояла большая стенка, хранившая в себе сокровища — хрустальную посуду, которую доставали лишь по особенным случаям и которая передавалась из поколения в поколение до тех пор, пока кто-нибудь ее не разобьет или не наступит конец света (именно поэтому посуду так судорожно берегли, считая, что первое обязательно приведет ко второму). Тем не менее, заслышав команду турецкого ковра, стаканы и рюмки, салат-

ники и вазы разом вострепнулись и максимально выжали из себя блеск, чем командир остался доволен.

— Аж глаза слепит!

На соседней полке строго в алфавитном порядке располагались книги, представляющие собой сборную солянку из книг по военной тематике и сентиментальных женских романов. Первые дышали мужеством и тестостероном, а из их страниц звучал марш тысячи кирзовых сапог и доносился едва уловимый аромат пороха. Вторые же были пропитаны поколениями женских слез, и от них доносился легкий шелест кружевного платья, в котором героиня неслась по утренней росе куда-то в лес в надежде прервать роковую дуэль.

За закрытые двери шкафа не было смысла заглядывать: там главенствовал парадный китель полковника, увешанный орденами и медалями, который никому не давал спуска.

Последним пазлом в комнате было коричневое пианино, которое стояло у окна и блестело под лучами утреннего солнца.

В комнате царили идеальная чистота и тишина. Петр Иванович мысленно скомандовал: «Вольно!» — и, глядя на пианино, вспомнил о жене.

Лишь она одна знала, как успокоить мужа. Она всегда была его громоотводом, а он — ее стеной. А теперь жены нет. А стена есть. Старая, облезлая, всеми забытая потрескавшаяся стена, стоящая одна-одинешенька где-то в темном закоулке неприглядной улицы, исписанная неприличными фразами и выполняющая функцию общественного туалета.

Чувство раздражения было столь велико, что Петр Иванович подумал снова позвонить на горячую линию банка, чтобы отвести душу на ни в чем не повинном операторе, который мучился бы около получаса, стараясь разжевать, как открыть сберегательный счет в мобильном приложении. И вся хохма была в том, что на том конце провода никто не знал, что у Петра Ивановича старый кнопочный телефон и что после 1991 года он хранит все сбережения в надежном месте. Но это все больше веселило, чем снимало раздражение.

— Ну должно же быть хоть что-то!

И вдруг в злосчастной тишине пустой квартиры раздался посторонний звук. «Тыц-тыц-тыц», или «грам-грам-грам», или «щик-щик-щик». Да, впрочем, это было неважно, главное — звук был, и доносился он со стороны кухни.

Петр Иванович ворвался в комнату размером три на четыре метра, как бык в поисках тореадора. Стоя рядом со столом, на котором лежала выцветшая и затертая от времени скатерть (на которой когда-то был рисунок, но уже никто и никогда не вспомнит какой), он закрыл глаза и стал неподвижен, концентрируя всю силу органов чувств лишь на ушах. И вот оно: «тыц-грам-щик». Прямо из окна звук напрыгнул на него и вонзил пику в самое ухо.

— Это что еще за...?!

Петр Иванович прильнул к приоткрытому окну и увидел, как ветка березы, оттянувшаяся под тяжестью листьев, покачивается на ветру и шоркает прямо по его охранной решетке, рождая эти отвратительные звуки.

— Нет, ну ты посмотри на это безобразие! Надо срочно что-то делать!

Худая кисть протиснулась сквозь металлические прутья и потянула за край ветки, что, в свою очередь, росла из еще большей ветки, а та — из еще большей, и так почти до самого основания дерева.

— Будь я проклят! И этот грохот будет теперь меня изводить целыми днями?

Естественно, эта злая ветка терзала бедную решетку уже несколько месяцев, если не год, просто Петр Иванович никогда не обращал на это внимания или попросту игнорировал. Можно было бы продолжить в том же духе, но цель уже была поставлена, приказ получен, а он, как известно, не обсуждался.

— Теперь это дело принципа!

Цель имела пометку «сверхсрочно», поэтому времени на завтрак не осталось. Спускаясь по лестнице, Петр Иванович крутил в руке связку ключей, на которой, помимо квартирного и гаражного, болтался серебряный ключ от небольшой каморки, что спряталась под лестницей на цокольном этаже. Этот ключ был в единственном экземпляре, и принадлежал он лишь управляющему второго подъезда дома номер семь на проспекте Орджоникидзе.

Сняв небольшой замок, Петр Иванович открыл дверь в каморку и включил тусклую лампочку, собственноручно им установленную, чей расход делился между всеми жильцами подъезда (как и расход отопления в каморке). Со скрупулезной педантичностью все вещи были разложены (или развешаны) по своим местам. Тут можно было найти все, что могло понадобиться человеку, проживающему в многоквартирном доме: грабли и метлы, ящик инструментов, лом и газовый ключ, сантехнический трос и паяльник и много чего еще. Все эти сокровища были нажиты Петром Ивановичем за долгие годы жизни. Когда-то он хранил все это добро в гараже, но, после того как его выбрали управдомом, посчитал правильным держать все необходимое «под рукой». И понятие «необходимое» было растяжимым, именно поэтому на одной из верхних полок хранилась большая коробка с надписью: «ЧП». В ней можно было найти несколько десятков восковых свечей и столько же армейских сухих пайков (количество которых соответствовало количеству проживающих в подъезде жильцов).

Окинув взглядом все это великолепиие, Петр Иванович испытал приятное чувство, словно порядок в каморке был отправной точкой, которая вела к порядку все человечество. Наконец он остановил взор на том, ради чего вообще спустился: на стене, рядом с газовым ключом, висела старая ножовка (с деревянной ручкой, на которой все еще можно было рассмотреть цену в три рубля двадцать копеек и штамп с буквами «ГОСТ СССР»).

Надев рабочие перчатки и взяв ножовку в левую руку, Петр Иванович застыл перед дверью, мучаясь над непростой задачей, которая была для него важнее ответов на извечные вопросы человечества: «Что нас ждет после смерти?» и «Есть ли иная жизнь во Вселенной?» И вопрос, что крутился у него в голове, был следующий: «Какую лестницу взять с собой на дело?» Он метался между деревянной полутораметровой лестницей и металлической стремянкой. Неоспоримым преимуществом первой была ее длина: эта лестница легко дотянулась бы до той самой ветки, но, с другой стороны, была менее устойчивой, чем вторая.

— Вот и как, черт его подери, быть? Грохнуть с высоты или же стоять, как дурак, на цыпочках, стараясь дотянуться до ветки?

Что и не говори, а выбор был не из простых. Но Петр Иванович был полковником, и даже преклонный возраст и пенсионный билет не заставили бы его ставить после звания «в отставке» (разумеется, кроме тех случаев, когда это необходимо). Поэтому он схватил первый вариант и стал пробираться из подъезда на улицу, всякий раз ругая все на чем свет стоит, когда полутораметровая лестница то билась о стены или об перила, то застревала между дверьми. В голову пришла, конечно, здравая идея сначала отнести к дереву ножовку, а потом уже вернуться за лестницей, но она быстро потерялась в потоке ругательств, что вылетали изо рта Петра Ивановича и разлетались по всему подъезду, как чешуйки рыбы из-под ножа.

Вспомнив все бранные слова (начиная с первого, что услышал от деда, когда тот зарядил молотком по пальцу, и заканчивая самым свежим, что услышал от школьника, который проходил под его окном и жаловался на незаслуженно придирающуюся учительницу), он наконец-то выбрался на улицу. А на ней стояла пронзительная тишина. Детей завели в садик, школьники грызли кору знаний, взрослые были на работе, а пенсионеры уже рассредоточились между очередями в поликлиниках и автобусах, сидя в которых тащились за город, на свои накрахмаленные дачи, чтобы успеть придумать себе еще какое-нибудь занятие, пока не ударили первые морозы (которые Гидрометцентр передавал на ближайшие выходные). Так что никто и ничто не могло отвлечь Петра Ивановича от березы, что постучалась к нему в окно явно не в то утро.

Нижний конец лестницы врезался в сырую землю у основания дерева, а верхний был нацелен на злополучную ветку. Было принято решение спилить ее под самый корень, дабы не допустить в будущем кровной вендетты. Проверив устойчивость ножек, раскачав их из стороны в сторону и попрыгав на них несколько раз, управдом взял в правую руку ножовку и ринулся покорять вершину.

С каждой новой ступенькой щедедушный пенсионер внутри него (которого Петр Иванович презирал) шептал на ухо:

— *Упадешь с этой ступеньки, будет синяк...*

— Заткнись, жалкий трус!

— *А вот если грохнешься отсюда, будем хромать месяц... Ой, как высоко! Если свалишься отсюда, точно на скорой прокатимся.*

Но как только он добрался до вершины, голос затих, словно перебравшись в кисти рук, что предательски задрожали. Не обращая на это внимания, Петр Иванович взялся свободной левой рукой за сучок и уже собирался начать работу, наметив линию отпила, как некто выстрелил ему в спину фразой:

— Вы что, котят с дерева снимаете?

От неожиданности тело качнулось из стороны в сторону, а трусливый пенсионер перехватил управление и решил, что в целях безопасности надо бы и правой рукой тоже найти точку опоры, поэтому ножовка, как мастеровитый пилот, сделала в воздухе мертвую петлю и спикировала прямо под дерево. Петр Иванович так и повис на двух ветках, прижимаясь животом к стволу и стараясь вернуть правую ногу на нужную ступеньку (со стороны это выглядело так, будто он пытался вновь и вновь завести мотоцикл с помощью кикстартера).

Но в данный момент спасение жизни и крах мероприятия по отпиливанию ветки были не самым важным для Петра Ивановича. Всего по одной фразе, ранившей в спину, он понял, что перед ним враг. Как он это определил, даже не видя говорившего? Легко и просто: управдому было достаточно голоса и формы вопроса. Лишь исходя из этого, он понял, что перед ним самый настоящий враг — неисправимый оптимист и, кроме того, еще и шутник. Таких людей Петр Иванович на дух не переносил. Для них каждый день праздник, они постоянно радостные и довольные и больше всего любят языком трепать и бездельничать. Подобные товарищи — злостные противники прогресса, и если бы все в мире были такими, то людей до сих пор жило бы в пещерах и радовалось тому, что никто не съел их ночью. И главное, все что угодно эти весельчаки переводят в шутку.

«*Ненавижу!*»

Когда мотоцикл наконец завелся (нога нащупала ступень), Петр Иванович уже был готов повернуться и встретить врага во всеоружии. Он понимал, что битва будет непростой, поэтому решил начать ее, как в лучших учебниках по военному делу.

В авангарде его наступления была стрижка, которую он однажды выбрал в журнале «Классические мужские стрижки 1965».

— Хотите, чтобы я подстригла вас сегодня так? — спросила его женщина-парикмахер в тот день.

— Сегодня и до конца жизни, — ответил Петр Иванович и с тех пор выбор свой не изменил.

Но его полубокс встретил жесточайший отпор в виде каре цвета «небесный блонд», которое, казалось, только что родилось в парикмахерской за углом.

Тогда, подняв флаг над головой и прокричав: «За мной! В атаку!», вырвался из окопа его орлиный нос вместе с тонкими губами, что складывались в улыбку реже, чем полная луна появлялась на небосводе. Но и тут его наступление было сбито шквальным огнем противника — маленьким курносым носом и обворожительными пухлыми губами, вытянувшимися в ослепительную улыбку, обнажающую ровный строй белоснежных зубов.

«Достойно», — подумал про себя Петр Иванович, когда увидел, как на него движется арьергард противника — небесно-голубые глаза. Глядя в них с лестницы, он смог разглядеть трупки тех доверчивых простачков, что не смогли перед ними устоять и теперь кормят рыб где-то на глубине.

«Врешь! Меня так просто не возьмешь!»

Его карие глаза, скрытые под густыми белыми бровями, словно берег реки под кустами ивы, ничуть не дрогнули. Ни один мускул не дрогнул на лице Петра Ивановича, пока он смотрел на женщину, что стояла прямо под деревом и крутила в руках его ножовку.

«Видимо — ничья», — решил Петр Иванович, поскольку на лице женщины все так же блистала улыбка.

«Ну ничего, ничего! Сейчас мы это исправим!»

В голове уже сложился текст следующего содержания:

«Вы что, дура или психопатка?! Вы вообще в своем уме, черт бы вас побрал? Какого лешего вы подкрадываетесь и пугаете людей?! А если бы грохнулся? Я бы себе все кости переломал к едрене матери. Вы-то небось по-тихому учесали бы, пока я бы корчился под деревом? Так ведь?!»

Прекрасные слова и, главное, вполне уместные в данной ситуации, да и утренний запас раздражения был высок. Или уже нет?

Пока враги изучали друг друга глазами, Петр Иванович даже не заметил, как кто-то подошел к его кипящей кастрюле с надписью «Раздражение» и убрал ее с конфорки, а на ее место поставил точно такую же, но уже с другой надписью: «Недоумение».

— А знаете, вам пошли бы усы. — Женщина кокетливо постукивала пилой о ногу, и только сейчас Петр Иванович заметил, что на ней были легинсы и спортивный топ, которые настолько облепляли тело, что казались скорее второй кожей, нежели одеждой. — Получился бы этакий Д'Артаньян. Э-ге-гей! Каналья!

— Что? Какие еще, к черту, усы?! — Петр Иванович едва услышал ее слова, поскольку не мог поверить, что женщина в ее возрасте (а она едва ли была старше его) могла одеться столь вопиюще вульгарно.

«Нет, я, конечно, тоже могу по квартире в трусах и майке ходить, но чтобы так... и на улицу... Срамота!»

Даже пришлось обвести глазами свое тело, чтобы удостовериться, что он не попал в плен всеобщего помешательства и не стоит сейчас на лестнице в чем мать родила. Но нет. На нем были все те же рабочая рубашка, заправленная в зеленые армейские брюки, державшиеся с помощью кожаного ремня с золотой бляшкой, и затертые берцы.

— Я говорю, зачем вы туда залезли? Молодитесь или уже старческий маразм всю разбушевался? Мне позвонить в скорую?

«Ну же! Возьми себя в руки, слизняк! Ты же офицер, в конце-то концов!»

— Ничего у меня не разбушевалось! Я, черт возьми, залез сюда, чтобы спилить эту ветку!

— А чем она вам не угодила?

— Она скрежет об мою защитную решетку! Этот скрежет сводит меня с ума!

Женщина прикрыла глаза, защищаясь от яркого солнца, запрокинула голову, скользя взглядом вверх по ветке.

— Раз, два, три... Хотите сказать, что вы и есть тот чудак, что повесил защитные решетки на третьем этаже?

— Чудак?!

— И от кого они вас защитят? От воров-альпинистов?

— Береженого Бог бережет! И я никакой вам не чудак! Я...

— Ну да! На мой взгляд, для любого вора ваша решетка будет как красная тряпка для быка.

— Не понимаю, о чем вы толкуете!

— Я говорю... — Женщина намеренно повысила голос и стала растягивать слова, словно Петр Иванович попросил ее говорить чуть громче, так как забыл надеть свой слуховой аппарат. — ...любой подумает, что раз вы так заморочились, то явно храните дома что-то ценное! У вас, случайно, под кроватью не припрятан сейф?!

Ветви ракиты поднялись вверх, обнажая пологий берег реки, и карие глаза невольно дернулись в сторону окна.

«Как она узнала...»

А женщина уже громко смеялась (весьма приятно):

— Не бойтесь, я никому не выдам ваш секрет... А я сначала думала, что эта решетка для того, кто внутри. Защита от людей. Говорят, тюрьма у каждого своя.

— Послушайте, дамочка! Шли бы вы уже отсюда! Только мешаете работать.

— Так я за этим и пришла.

— Пришли мешать?!

— Пришла вас остановить.

— С какой стати?!

— Потому что я живу прямо под вами. И эта ненавидимая вами ветка, что не дает вам житья, для меня очень важна.

— Важна? Интересно, чем же?!

— Видите ли, ее листья прекрасно защищают мою квартиру от солнца. У меня всегда прохладно и свежо — самое то для занятий йогой. Вы, кстати, как? Есть еще порох в пороховницах? Готовы тряхнуть костями?

— Ничем я трясти не буду...

— Каналья! — смеясь, крикнула женщина. — Нет, серьезно, подумайте насчет усов. Вам бы очень пошли.

Воздух со свистом вырвался из груди, и челюсти настолько сильно сжались, что было слышно, как заскрипели зубы.

— Я, к вашему сведению, оправдом! — Командирский бас, словно бешеный пес, сорвался с цепи. — У меня есть все права, чтобы спилить эту чертову ветку к едрене матери! И даже спрашивать никого не буду! А ну, верните мне ножовку! Сейчас же!

— Мне говорили, что вы упрямый, как осел...

— Осел?! Кто говорил?!

— ...но вот в чем загвоздка: согласно 36-й статье 44-го жилищного кодекса, элементы озеленения, произрастающие на земельном участке под многоквартирным домом, принадлежат на праве общей долевой собственности собственникам помещений в этом доме. Решение о необходимости спила дерева, растущего на придомовой территории, должно быть принято на общем собрании. Когда проводилось собрание? Кто вел протокол? Какая была повестка?

«Вот зубрила! Подготовилась!»

— Из-за какой-то ветки вы хотите проводить собрание?

— Конечно! Вы же явно не собираетесь идти на компромисс?

— И в чем же тут компромисс?

— Вы оставляете ветку, а я приглашаю вас на занятие по йоге, чтобы снять раздражение, которым вы явно скованы. И обещаю больше не говорить «каналья». Мне кажется, это справедливо.

— Знаете что, дамочка...

— Нет, не знаю. И что же?

«Серьезный противник...»

Как бы ни было тяжело признавать, но законодательство было на стороне женщины, а законы (как и военный устав) Петр Иванович читал.

— И что? Я сейчас должен оббежать всех соседей и пригласить на собрание из-за какой-то березовой ветки?

— Зачем же их обходить? Я сейчас в домовой чат черкну, и все.

— В чат?

— Ой-ой-ой... А я сначала не поверила, когда мне говорили, что вы древний, как пирамида.

— Да кто это, черт возьми, все говорит?!

— Люди. — Женщина снова ласково улыбнулась.

— А ну верните мне сейчас же ножовку!

— Нет. Для меня это дело принципа. И дальнейшую судьбу ветки мы уже решим на собрании. А пока я пойду проводить занятие по йоге. Au revoir!

И женщина развернулась и пошла в сторону подъезда, вертя в руках ножовкой, а на спине, на розовой футболке, у нее красовалась фраза: «Мне нельзя сладкое, неси полусладкое».

— Стойте! Сейчас же, стойте!

Пока Петр Иванович спускал свое тело на землю, женщина уже скрылась в подъезде. Когда он сбегал (впервые за десять лет) по ступеням, в голове играла старая заезженная пластинка, звучащая вот уже тысячи лет. Пластинка, что звучала под ногами армий Александра Македонского и Чингисхана, в каждой из войн на планете, что попадала в альбом каждого юноши и оставалась там до самой смерти: «Левой, левой, раз, два, три!»

Как только Петр Иванович ворвался на площадку второго этажа, он наткнулся на трех пенсионерок, живущих в его подъезде. Вид у них был подозрительно приветливый и веселый.

— Здравствуйте, Петр Иванович! Как ваше здоровье? Правда, что сегодня вечером будет собрание? Я уже не помню, когда мы его последний раз проводили!

— Здравствуйте... — только и смог выдать из себя управдом. Едва пробежав по соседкам глазами, он сразу увел взгляд под потолок и сконцентрировался на висящей там лампочке. Дело было не в грубости: сделать это пришлось лишь потому, что все три пенсионерки были втиснуты в такие же облегающие легинсы и футболки, что и его новый злейший враг.

«Нет, ну ладно та особа... У нее-то хоть есть что показать. Но эти-то клушки куда лезут? Срам-то какой!»

Резко открывшаяся дверь квартиры 124 смела с его лица брезгливое выражение, а на пороге показалась воровка.

— А я думаю, что за шум, а драки нет?

— Здравствуйте, Ксения Андреевна! А мы вот на занятие к вам спешим, — пролепетали старушки.

— А я вас жду. — Из открытой двери доносились индийские мотивы, и в подъезд проник сладкий запах благовоний, от которого у Петра Ивановича защекотало в носу, и он стал громко чихать, но никто словно не замечал этого.

— А где же Настасья Филипповна? Она сегодня не придет?

— Ой, она бы рада, да говорит, опять кости ломит... Видимо, на погоду.

Пока игнорируемый всеми Петр Иванович боролся с щекотанием, женщины продолжали делиться историями о том, какой именно частью тела они определяют, как скоро изменится погода.

— Вот если правую полупопицу колит, — Ксения Андреевна ткнула указательным пальцем в озвученное место, и Петр Иванович невольно уставился на него, густо покраснел и еще громче чихнул, — то, значит, похолодает, а если левую — то потеплеет.

— А если обе колит?

— Тут два варианта: либо к осадкам, либо я уже попу отсидела!

Женщины дружно засмеялись и наконец перевели взгляд на управдома.

— А Петр Иванович тоже пойдет с нами приветствовать Солнце? — спросила Таисия Брониславовна, проживающая в квартире 135.

Четыре пары глаз вопросительно уставились на мужчину, который только сейчас сумел укротить свой нос.

— Чего? Что это, черт побери, вообще значит? — смахивая с глаз слезы, спросил Петр Иванович.

— Это значит, — слово взяла воровка пилы и враг номер один, и она же, как совсем недавно выяснилось, Ксения Андреевна, — мы приглашаем вас на занятие йогой. Сегодня у нас будет практика под названием «Приветствие Солнцу». Ну что? Вы с нами?

— Солнце приветствовать? Нет, спасибо. Я уже с ним с утра поздоровался. Мило раскла-
нялись друг другу. Да и вообще, если я буду приветствовать все неодушевленные предметы, то из дома до самого вечера не выйду, пока со всеми стаканами не перездоровуюсь!

Легкие смешки прошли по губам трех пенсионерок, а Ксения Андреевна лишь подняла правую бровь и сказала:

— Просто очаровательно. Да вы прям комедиант, как я погляжу.

— А вы воровка! Верните мне ножовку.

— Это мы обсудим на собрании. А сейчас... — Женщина прижалась к двери и пропустила в свою квартиру старушек, что тихо помельтешили внутрь, бросая косые взгляды на управдома. — ...у нас начинается занятие. Вы с нами или нет?

— Верните мне ножовку! Сию же минуту!

Но входная дверь квартиры 124 многозначительно закрылась прямо перед его носом.

— Просто невысказано! Я это так не оставлю!

Выждав пару минут, Петр Иванович постучал в дверь. Ничего. Тогда он постучался еще настойчивее, но снова — ничего. Перестав сдерживаться, Петр Иванович ударил несколько раз со всей силы (больно). Из квартиры доносился лишь смех вперемешку с индийской музыкой, которая стала еще громче.

— Это просто безобразие!

Поднявшись к себе в квартиру, он снял ботинки и пошел в гостиную, в которой, как и в подъезде, слышались звуки музыки.

— Да они издеваются!

Взяв с полки большой армейский нож, на лезвии которого была выгравирована надпись «*Полковнику Петру Ивановичу Селезневу, в благодарность за блестящие годы службы Оте-
честву!*», он несколько раз что есть силы ударил по батарее. Металлический лязг пронесся по трубам на несколько этажей вниз, но желаемого посыла не добился: музыка все так же играла.

— Да это просто какой-то сумасшедший дом!

Решив отступить для перегруппировки сил и составить новый план, Петр Иванович рети-
ровался в кухню, где, как он считал, найдет спасительную тишину. И так ему и показалось на первый взгляд, когда он только опустился на стул и облокотился руками на выцветшую ска-
терть.

— Я так легко не сдамся! Это война! — прокричал он в сторону гостиной.

Как только сердце немного успокоилось и кровь отхлынула от головы, Петр Иванович снова услышал мотивы индийской музыки, которая вместе с едва уловимым запахом благово-
ний тянулась из вытяжки над кухонной плитой.

— Не на того напала!

Петр Иванович грозным шагом отправился в спальню, где на верхней полке шкафа нашел большую перьевую подушку. Забравшись на кухонный гарнитур вместе с ней (с ловкостью, которую сам от себя не ожидал), он снял гофру с вытяжки. Когда показалось грязное отверстие вентиляции, он стал утрамбовывать перьевую подушку в небольшое отверстие, вкладывая в это дело все свое раздражение.

— Вот! Получай! Вот тебе! Как?! Нравится?!

Если бы несчастная подушка могла говорить, то единственной фразой, слетевшей с ее уст, стало бы недоуменное: «А я думала, мы будем спать...» А затем град ударов лишил бы ее сознания, и, перестав сопротивляться, она скрылась бы в грязной вытяжке. Петр Иванович протолкнул подушку ниже, так, чтобы в его квартире циркуляция воздуха не была нарушена, и, поставив гофру на место, аккуратно спустился с кухонного гарнитура и замер. Все, что теперь доносилось до его ушей, — лишь учатившийся стук его сердца и шорох ветки об охрannую решетку. И больше ничего.

Глава 2

Безутешные бурлаки-секундоочки медленно тащили минутный баркас и часовую шхуну по кругу циферблата, приближая их к причалу — отметке в шесть часов вечера.

Петр Иванович так и просидел весь день на кухне, в абсолютной тишине, размышляя над картой боевых действий, развернувшейся у него в голове. Первая битва явно осталась за врагом, но и исход войны был в его руках. Когда он успокоился, привел себя в порядок и плотно пообедал, к нему вернулось офицерское хладнокровие. Он умело двигал свои войска по карте и отмечал, что успех в исходе операции был явно на его стороне.

Во-первых, Петр Иванович отметил, что имел превосходство, поскольку прожил в доме куда больше времени, чем противник. Во-вторых, он был управдомом уже более двенадцати лет, и еще никто и никогда не думал сомневаться в его решениях. В-третьих, он достал из ящика стола тетрадь, в которой была расчерчена таблица, где напротив квартиры находилась строка с водяными и отопительными счетчиками. Петр Иванович был в каждой квартире в подъезде и знал, когда и кому необходимо провести поверку или вовсе заменить счетчик.

— Разве не ко мне все бегут, когда что-то случается? Чего мне бояться? Я знаю всех, и все знают меня. Я для них — палочка-выручалочка! Пусть она проводит эти вшивые занятия йогой. Три-четыре старухи не сделают ей воды. Победа будет за мной!

Взвесив все «за» и «против», Петр Иванович смотрел, как на карте противник уже был взят в плотное кольцо его армией. Никаких других выходов, кроме как сдаться и сложить оружие, он не видел. Поэтому в приподнятом настроении провел весь остаток дня.

За час до собрания он начал подготовку. Принял душ, побрился, смазал лицо одеколоном, которому не изменял уже три десятка лет и чей запах ассоциировался у него с самой жизнью. Перед самым выходом оглядел себя: длинный черный плащ, под которым виднелась кофта с рубашкой, на ногах — отутюженные брюки, из-под которых поблескивали свеженачищенные офицерские туфли, — выглядел он так, словно в любой момент был готов возглавить марш.

Приглаживая седые волосы расческой перед зеркалом, Петр Иванович явно был доволен проделанной подготовкой.

И вдруг в порыве откуда-то взявшегося интереса, который, словно перепуганный воробей, влетел в открытую форточку его головы и устроил в ней переполох, он прислонил расческу между носом и губой.

— Дожил, старый! Такой ерундой маешься! Стыд и срам!

Едва подъездная дверь распахнулась и Петр Иванович смог окинуть взглядом всех своих соседей, ему в руку уже всучили какую-то бумагу.

— Нужно указать номер квартиры, владельца, количество проживающих...

— Таисия Брониславовна, вы, видимо, переусердствовали в приветствии Солнца. Слишком много на него смотрели, раз теперь не можете меня узнать.

Женщина слегка хихикнула, прикрыв покрасневшие щеки стопкой точно таких же бумаг, что держал в руке управдом.

— Бросьте шутить, Петр Иванович! Я сегодня и так вся как на иголках... Я же секретарь собрания. А эти бюллетени — обязательная процедура. Через нее все прошли. Заполните бумагу, как полагается, и ответьте на вопросы, что найдете на обратной стороне листа.

— Но у меня нет с собой ручки.

— Я одолжу вам свою. — От раздавшегося за спиной голоса у Петра Ивановича почти сработали инстинкты, и рука невольно потянулась к кобуре, которой, конечно же, не было. — Вот, прошу.

Петр Иванович повернулся, собираясь узреть, как прошла подготовка противника во время кратковременного затишья.

Надо было признать, что воровка тоже времени зря не теряла. На ней был строгий брючный костюм серого цвета, на фоне которого ее глаза выглядели еще более выразительными. На шее — жемчужное ожерелье, а на ногах — туфли на каблуках (из-за которых приходилось смотреть на нее снизу вверх). Никаких обтягивающих легинсов, никакой кричащей футболки. Если бы эта женщина впервые подошла к нему, то Петр Иванович был бы уверен, что первым ее вопросом было бы:

«Вы веруете в нашего спасителя Иисуса Христа? Позвольте, я немного расскажу вам о нашей церкви...»

— Я бы больше обрадовался ножовке, — парировал мужчина.

— Всему свое время, Петр Иванович, — с учтивой вежливостью сказала воровка. Видимо, она тоже оценила его строгий офицерский образ, и легкая улыбка показалась на ее губах.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее. Где-то глубоко внутри, на кладбище забытых чувств, где уже поросли травой могильные плиты с надписью «веселье» и «похоть», на одной из свежих могил задрожала земля, и скрюченная рука пробила себе путь наружу. Это была культепка забытого чувства — соперничества. Причем не простого, а с равным себе противником. Только в таком противостоянии ощущается вкус настоящей победы.

И, чувствуя этот вызов, Петр Иванович был вынужден напрячь все мускулы лица, чтобы, не дай бог, не улыбнуться в ответ.

— Я же говорила, что вам ужасно пошли бы усы? — Ксения Андреевна протянула ручку, которую управдом взял, но женщина не торопилась отпускать ее из своей руки.

— А я говорил, что все равно уничтожу эту ветку, чего бы мне это ни стоило?

— Только через мой труп, — серьезно сказала женщина. — И это, кстати, третий.

— Что «третий»?

— Это третий вопрос, на который вам необходимо ответить. — Женщина наконец отпустила ручку, прошла мимо управдома (словно он просто раздавал никому не нужные флаеры у универмага), широко улыбнувшись, протиснулась мимо соседей и, встав в центр импровизированного круга, громко сказала: — Приветствую вас, мои любимые соседи!

— Здравствуйте, Ксения Андреевна! — потянулись голоса со всех сторон.

Петр Иванович никогда не был ни душой компании, ни хотя бы дружелюбным, поэтому знал, как люди реагируют на тех, кто им неприятен. Это он уяснил еще в детстве, когда на детской площадке за него заступалась бабушка, упрашивая других ребят взять его поиграть вместе с ними. И до самого поступления в армейскую академию единственным другом для него так и оставалась бабушка. Не сказать, что только лишь из армейской субординации, которая обязывает выполнять приказы без какой-либо эмпатии, он и выбрал офицерскую жизнь, но все же эта причина была одной из весомых. Даже будучи командиром и имея в подчинении до тысячи солдат и офицеров, Петр Иванович всегда знал, что он неприятен им и они подчиняются ему лишь по долгу службы. Вот именно поэтому он, как никто другой, знал и обратную сторону. И сейчас, глядя на то, как соседи, светясь улыбками, смотрят на Ксению Андреевну, он ощутил, как армия, казалось не оставившая врагу ни шанса для маневра, сейчас рассыпается и терпит поражение.

А соседи так и обступили Ксению Андреевну со всех сторон, а Петр Иванович так и остался стоять в стороне с ручкой в руках, снова и снова перечитывая вопросы, что были на сегодняшней повестке.

— Сегодня я не просто так собрала вас в этот прекрасный осенний вечер, — мелодичным голосом сказала женщина. — Думаю, у каждого из вас нашлась бы пара других, куда более важных дел. Но так как волей судьбы мы стали соседями, то и вопросы мы должны решать сообща, как одна большая семья. Я знаю, что с моей стороны сегодняшнее собрание может

показаться наглостью. Кто-то даже может сказать: «Куда эта стерва со своим уставом в наш монастырь лезет?»

«С языка сорвала», — подумал Петр Иванович.

— Но умалчивать о нависших над нашим подъездом проблемах я просто не в состоянии.

— А что у нас за проблемы? Что-то серьезное? — послышался слабый голос одной из старушек, для которой лишь одно слово «проблема» повысило артериальное давление на десять единиц.

— Это уже вам решать, многоуважаемые соседи. — Ксения Андреевна подняла над головой лист с квитанцией от управляющей компании «Улыбка». — Думаю, что каждый из вас хоть раз заглядывал в квитанцию об оплате коммунальных услуг. Помимо счетов за воду, газ, отопление и прочее, в ней есть еще одна строка — оплата услуг управляющей компании. Кто-нибудь знает, какие именно услуги она оказывает нашему подъезду?

Соседи переводили вопросительные взгляды друг на друга, словно школьники, ищущие поддержки у одноклассников.

— А я вот не постеснялась и позвонила в управляющую компанию. Наш подъезд действительно числится у них, и мы все исправно платим деньги, вот только никаких услуг нам не оказывают. Диспетчер сказал мне, что из нашего дома вот уже пять лет не поступало никаких заявок. Если в других подъездах исправно убирают листву, чистят снег и время от времени вызывают электриков или сантехников, то в нашем доме этим занимается Петр Иванович. Я ни в коем случае не хочу принижать его достоинств, но вопрос вот в чем: за что мы тогда платим деньги?

Все та же тишина кружила над людьми. Несколько соседей, почувствовав, к чему движется собрание, украдкой посмотрели на своего управдома, который уже пятый раз перечитывал вопросы бюллетеня и, казалось, совершенно не обращал внимания на то, что происходит вокруг.

— Но Петр Иванович всегда исправно... — Кто-то постарался встать на защиту, но уже новый вопрос повис в воздухе.

— Поднимите, пожалуйста, руки те, у кого есть маленькие дети!

Восемь человек неуверенно подняли руки.

— Замечательно! И как вам, удобно ли ежедневно таскать по этажам коляски, велики, самокаты и санки?

— Ну...

— А вы знали, что в соседних подъездах помещение под лестницей, которое у нас используется как склад для хранения рабочего инвентаря, отдали под хранение колясок и велосипедов? Никому не приходится надрывать и таскать коляски с этажа на этаж. Не кажется ли вам, что и в нашем подъезде помещению под лестницей нашлось бы куда более правильное применение?

Женщина с пятого этажа, у которой были два годовалых близнеца, едва слышно сказала:

— Да, было бы здорово, если бы можно было оставлять коляску на цокольном этаже...

— Вот и я о том же! Это было бы куда удобнее для всего подъезда. Не было бы никаких свалок самокатов и велосипедов на каждой лестничной площадке, что, между прочим, нарушает правила противопожарной безопасности.

Прежде чем перейти к последнему пункту собрания, Ксения Андреевна сделала небольшую паузу, всем своим видом давая понять, что ей самой неприятно поднимать этот вопрос, но выбора не остается.

— И последнее. Я, конечно, понимаю, что Петр Иванович живет с вами не один год и авторитет среди соседей им явно заслужен, что он, безусловно, сделал много всего хорошего для каждого из вас, да и для всего подъезда в целом, но... Сегодня утром он хотел без согласия с жильцами спилить вот эту березовую ветвь. — Указательный палец женщины указал на ветвь

березы, и десятки глаз уставились на дерево, будто впервые его увидели. — Столь радикальные перемены ландшафта должны согласовываться со всеми жильцами, а не делаться сгоряча. Исходя из всего вышесказанного, я хочу зачитать список вопросов, которые были подняты на собрании. Во-первых, освободить Петра Ивановича от должности управдома и выбрать нового. Во-вторых, освободить помещение под лестницей для общеподъездного пользования. И в-третьих, оставить березовую ветку в неприкосновенности.

Каждый из соседей стал ждать, когда Петр Иванович разразится смачной тирадой в свою защиту. Женщина со второго этажа в ожидании ударной волны даже прикрыла уши своему сыну, который некогда уже успел выхватить из арсенала Петра Ивановича горячее словцо и применить его в садике на обеде, обозвав гороховый суп («это что еще за слоное дерьмо»). Поэтому бедная мать и заткнула уши своему сыну, поскольку больше не хотела краснеть перед воспитателями.

Однако Петр Иванович молчал. Никто, кроме него, не видел, как из подъезда выбегают солдаты, как они протискиваются среди соседей, оставляя на их одежде следы крови и комья грязи, каким ужасом искажены их лица.

Вот к нему подбежал молодой лейтенант и, тряся его за плечи, закричал ему в лицо:

— Товарищ главнокомандующий, правый фланг прорван врагом! Мы несем большие потери! У врага оказалась большая поддержка среди местного населения. Несмотря на двенадцать лет оккупации, мы так и не стали для них «своими». Какой будет приказ, командир? Что нам делать?

Ни единый мускул не дрогнул на лице Петра Ивановича, когда он ставил крестики в колонках «за», перечеркивая тем самым все те годы, что отдал этим людям. А стоящий рядом лейтенант тихо спросил:

— Мы сдаемся, товарищ главнокомандующий?

Но Петр Иванович лишь едва заметно качнул головой и пошел прямо на Ксению Андреевну, а соседи расступились перед ним.

— Завтра после обеда я освобожу помещение под лестницей. Ключи с замком оставлю внутри, — сказал он, протягивая свою бюллетень врагу.

Ксения Андреевна была удивлена не меньше, чем все остальные (в том числе невидимый лейтенант, который уже убежал докладывать приказ об отступлении). Она была готова к сражению, была готова отстаивать свою позицию и где-то глубоко внутри надеялась лишь отворовать березовую ветку, и только. Но она никак не думала устраивать революцию и свергать Петра Ивановича.

— Подождите, пожалуйста, Петр Иванович, надо же, в конце концов, все обсудить...

— Нечего обсуждать. Думаю, из вас выйдет отличный управдом.

— Из меня?! Я же просто...

А Петр Иванович уже шагнул в подъезд, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Многие жильцы почувствовали себя предателями, глядя на то, как старичок проходит мимо них, как он сдерживает слезы и как стойко он принял свою отставку и благословил новую кандидатуру.

Но как только дверь подъезда закрылась, на лице Петра Ивановича показалась ехидная улыбка.

— Посмотрим, как эти сволочи справятся без меня!

Глава 3

Как и было обещано, кладовая была освобождена к обеду, а к вечеру уже заставлена колясками, велосипедами и самокатами. Как и предполагал Петр Иванович, к его благословению прислушались и всего через пять минут после его ухода единогласно выбрали Ксению Андреевну новым управдомом.

Первый день на новой должности оказался пугающим и интересным. Переговорив по телефону, она поняла, что будет лишь связующим звеном между жильцами и управляющей компанией. Так что первую неделю все было спокойно. Занятия йогой проходили регулярно, мамочки с детьми неустанно благодарили женщину за то, что им теперь не надо таскать коляски и велосипеды по этажам, а при встрече каждый жилец дома величал ее не иначе как «управдом» (что греха таить, это было приятно).

Именно тогда, когда Ксения Андреевна расслабилась и решила, что теперь нужно лишь плыть по течению (изредка помогая себе веслами, чтобы не прибило к одному из берегов), ее шхуна под названием «новый управдом» села на мель прямо посреди реки.

В семь утра она проснулась не от звона будильника, а от шарканья метлой об асфальт. Выглянув в окно, она обнаружила под ним двух рабочих в оранжевых жилетках, один из которых усердно мел листву на асфальте, а другой грабил палисадник (при этом оба громко о чем-то переговаривались друг с другом).

— Боже мой! Зачем же в такую рань!

Напрасно Ксения Андреевна выбежала на улицу в одном тоненьком розовом халате, стараясь договориться с дворниками, чтобы они перенесли уборку на более позднее время. К сожалению, работяги не знали русского языка, а управдом даже близко не понимала, на каком языке они отвечают ей. А в окнах квартир уже показались недовольные лица соседей, которые тоже мечтали поспать подольше в это морозное воскресенье.

Чтобы решить проблему, Ксения Андреевна набрала номер диспетчерской управляющей компании (представившись управдомом второго подъезда дома номер семь на проспекте Орджоникидзе) и задала вполне разумный вопрос: *«Зачем производить уборку в такую рань?»*

На другом конце провода послышался тяжелый изможденный вздох (в котором спрятались пара нецензурных слов), и женский голос, от которого захотелось тут же выбраться в окно или застрелиться, грубо заявил:

— А что вы хотели? Вы думаете, вы у нас одни? У нас три микрорайона на попечении, и что нам теперь, под всех подстраиваться? С утра не уберешь листву, вы потом жалобу напишете! Будто я вас первый день знаю. Вы, кстати, когда списки по счетчикам подадите?

И вновь вполне разумный вопрос: *«Что за списки и по каким счетчикам?»*

— Вы мне тут мозги не пудрите! Две недели уж как отопительный сезон начался, а вы еще списки не подали! У всех ли счетчики исправны? Надо ли кому поверку делать или вовсе заменить? Предупреждаю, перерасчет никто делать не будет. Будете платить по нормативу!

Ксения Андреевна ответила, что они ничего об этом не знали и, если надо, она во всем разберется. *«Только скажите: в каких квартирах нужно счетчики проверить?»*

— Милочка моя, я что, по-вашему, должна знать счетчики во всех домах?! Ваши жильцы должны сами за этим следить!

И вот уже в половину восьмого, во всем том же розовом халате, Ксения Андреевна стучала в дверь Таисии Брониславовны, которая, как сама уверяла, всегда встает в пять утра. Но когда дверь квартиры 135 открылась, лицо хозяйки было в явных следах побоев от неравной битвы с подушкой.

— Доброе утро, Ксения Андреевна... А что, уже пора на занятие? — лениво протянула хозяйка квартиры, старательно пытаюсь угодить в рукав халата, который был вывернут наизнанку.

— Доброе! Нет, еще рано. Я по другому вопросу. Мне нужно подать списки теплосчетчиков.

— Так и...

— Ну вот я и пришла узнать: у вас с ним все в порядке? Работает?

— Конечно, готов. Исправно работает, лампочка мигает.

— Позвольте мне взглянуть?

— Так он в подъезде.

— Да это же электрический.

— А мы о каком говорим? — с неподдельным недоумением спросила женщина, и в этот момент Ксения Андреевна вдруг поняла, что нужно было начать проверку с кого-то помоложе (или хотя бы с кого-то выспавшегося).

Но раз уж она была уже тут, то нужно было довести дело до конца.

— Так, Таисия Брониславовна, соберитесь! У вас в ванной должны быть установлены счетчики, с которых вы каждый месяц показания записываете! Так?

— Так. А что, уже пора подавать показания? Я же вроде на той неделе уже отнесла...

— Позвольте, я взгляну на счетчики.

Хозяйка, еще явно не до конца осознав, что от нее требуют, лишь махнула рукой, приглашая следовать за собой в квартиру.

В ванной комнате, рядом со стиральной машинкой, висели три счетчика, причем на крышке каждого висел увесистый магнит. Ксения Андреевна сняла все три и протянула их Таисии Брониславовне, которая лишь пожала плечами и сказала:

— Всю жизнь так делаю и делать буду!

Скрючившись в три погибели, Ксении Андреевне удалось-таки добраться до цели. Всего было три опломбированных счетчика: два водяных и один отопительный. Раз уж она забралась так далеко, то управдом решила проверить сразу все.

— Включите холодную воду.

Крайний счетчик закрутил свое колесо, и цифры неспешно пошли на увеличение.

— Отлично. Давайте теперь горячую.

Второй счетчик также был исправен.

А вот на дисплее третьего была пустота. Как Ксения Андреевна ни давила на кнопку рядом с дисплеем, он так и не заработал. Все безуспешно: пациент был мертв.

— Вот я о том и говорю. Ваш теплосчетчик не работает.

— Как не работает?! Быть того не может! Весной же еще работал... — Новость о неисправном счетчике подействовала куда более бодряще, чем кружка самого крепкого кофе.

— А теперь все. Нужно менять.

— А где новый взять? А кто мне его поставит? Ой-ой-ой... — Женщина взялась за сердце и, опираясь о стены квартиры, стала искать место, чтобы поскорее присесть, и при этом продолжала вопрошать, но уже обращаясь к самой себе: — За что мне все это? Нет бы оставить бабку в покое, обязательно что-то да случится. Где же я так нагрешила? За что же мне все это на старости лет? Боже мой...

— Так, а ну хватит раскисать! Это еще не конец света! — Ксения Андреевна усадила мечущуюся по кухне старушку и, по-хозяйски обыскав полки шкафов, набрала стакан воды и всучила его в свободную руку Таисии Брониславовны. — Не переживайте. Мы во всем разберемся. Для начала надо узнать, сколько еще в подъезде счетчиков нужно заменить... Так что пока не падайте духом. Я позже еще к вам зайду, и мы все решим. Договорились?

С испуганными глазами, держа в одной руке три магнита, а в другой — стакан с водой, хозяйка выглядела так, будто смотрит программу с Кашпировским. На указания управдома лишь качнула головой.

Как только Ксения Андреевна вышла на лестничную площадку, она сразу наткнулась на своих юных-пожилых йогов.

— Намасте, Ксения Андреевна! А мы как раз к вам на занятие спешим. Пора приветствовать Солнце! — Три старушки (в этот раз к группе присоединилась Настасья Филипповна, а это должно было сулить великолепную погоду на весь день), облаченные в спортивные костюмы (было уже прохладно для легинсов и маек), так и сгорали от нетерпения начать очередное занятие.

— Намасте, девушки! — Женщина бросила взгляд на часы, которые показывали десять минут десятого, и все никак не могла припомнить, что же такое важное было у нее запланировано ровно в девять. — Сегодня занятие отменяется. У меня возникли обстоятельства непреодолимой силы...

Мысль оборвалась в голове, когда Ксения Андреевна увидела, как прямо под дверью ее квартиры, сидя на чемодане, ждет ее внучка.

— Прости меня, милая! Я совсем замоталась!

— Надеюсь, решая мою проблему?

— Проблему?

Бардак в голове никак не помогал в решении сегодняшних проблем, поэтому, глядя на внучку, Ксения Андреевна, хоть убей, совершенно не помнила, о какой проблеме она говорит.

— Дед так и сказал, что ты забудешь... — Девочка угрюмо вздохнула и снова уставилась в экран телефона.

— Да пошел этот похотливый козел куда подальше!

Краем глаза Ксения Андреевна заметила, что йоги спустились следом за ней. Видимо, они решили, что все же не зря встали в такую рань и облачились в спортивные костюмы, и тешились надеждой, что занятие все-таки состоится. Но как только услышали, как их «мастер» называет своего мужа «похотливым козлом», и увидели, что на пороге квартиры сидит милая голубоглазая девочка (лет двенадцати), им вдвойне интереснее стало разузнать, что за история разворачивается на лестничной площадке второго этажа.

— Ксения Андреевна, мы хотели уточнить...

— Я же сказала, что занятия сегодня не будет! Что у вас, кстати, со счетчиками на отопление? Работают? Показания фиксируют?

— Это которые в подъезде висят?

— Нет! Это электрические! — Ксения Андреевна проводила изыскания в карманах халата в поисках ключей, собираясь как можно скорее спрятать внучку от назойливых глаз, но, по всей видимости, оставила их у Таисии Брониславовны.

— Тогда что это за счетчик?

Не успела Ксения Андреевна открыть рот, как услышала новый голос, обращенный к ней.

— Ксения Андреевна, доброе утро! — С площадки первого этажа на нее смотрела соседка с двумя близнецами, которых держала на руках, как два больших арбуза (один из малышей тянул маму за волосы, а второй совал свой указательный палец ей в правую ноздрю — милые радости материнства). — Скажите, пожалуйста, у вас не осталось ключей от каморки? Я, кажется, свой потеряла...

— У меня нет ключа. Я же все, что были, вам отдала.

— А как же мне тогда забрать коляску? Я и так уже опаздываю...

— А что там со счетчиком? Это который в туалете висит? — Бабули не теряли надежды докопаться до истины.

— Так и знала, что дед снова окажется прав. Он всегда говорит, что ты только о себе и думаешь. — Последний гвоздь в крышку гроба вколотила внучка.

В этот момент Ксения Андреевна решила, что это не иначе как сговор: по-другому она не могла объяснить все происходящее.

— Так! — Управдом повернулась к внучке, которая даже не удосужилась оторвать взгляд от телефона, говоря с бабушкой. — Жди меня здесь! Я скоро вернусь!

— Я есть хочу, — грустно сказала внучка.

— Бедная ты ласточка... — Три спорт-старушки синхронно выдали голос умиления и сочувствия. — Хочешь, мы испечем тебе пирожков?

Ксения Андреевна посмотрела на бабушек взглядом, который прямо противоречил всем восьми постулатам йоги (в особенности — Яма). Испепеляющий взгляд голубых глаз заставил старушек попятиться вверх по лестнице и подумать о том, владеет ли мастер йоги не известными им боевыми приемами (в их головах крутились слова вроде «карате» или «тхэквондо»).

— Через пару минут я вернусь и что-нибудь приготовлю. Договорились?

Девочка безразлично дернула плечами, даже не заметив, как лестничная площадка опустела.

Таисия Брониславовна так и сидела за кухонным столом, но уже в окружении трех больших коробок.

— Кажется, я где-то забыла у вас ключи... — входя, сказала Ксения Андреевна.

— Я сейчас их найду. — Бедная женщина доставала из коробок выцветшие документы и сосредоточенно изучала их. — Где-то тут должны быть документы на счетчик. Я все сохраняю. Я точно знаю, они где-то тут.

За спиной управдома, словно три хвостика, появились три старушки, которые, глядя на свою подругу, окруженную ворохом бумаг, задали вопрос:

— Тася, а что ты делаешь?

Как только хозяйка квартиры увидела своих подругек, из ее глаз потекли слезы, а листы посыпались прямо на пол.

— Ой, девочки... Беда! Все пропало! Меня теперь засудят за растрату... Господи боже!

Напрасно Ксения Андреевна пыталась ее вразумить, убеждая, что никто не будет ее судить: женщина была непреклонна. Три старушки протиснулись в маленькую кухню и стали утешать свою подругу, уверяя, что если ее все-таки посадят, то они обязательно будут носить ей передачи в тюрьму (вязаные носки, чай и сигареты, последними она сможет расплачиваться, чтобы ее «крышевали»).

— Ой-ой-ой... — еще громче завывала Таисия Брониславовна. А на пороге ее квартиры уже стояла мать двух близнецов.

— Так что? Как мне коляску забрать?

Ксения Андреевна всего на несколько секунд опешила, проверяя, точно ли все происходит на самом деле, или она все никак не может проснуться. Но время призывало к действию, и раз уж она взвалила на себя должность главной по подъезду, то...

— Так! Всем успокоиться! — Крик мастера йоги в начале десятого утра взбодрил всех, да так, что правый карапуз рассмеялся, а левый — заплакал (а три старушки все же решили, что управдом точно владеет приемами, способными убить одним ударом).

На стене Ксения Андреевна увидела большой отбивной молоток для мяса и, схватив его, пошла прочь из квартиры, бросив через плечо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.